

НИКОНОВЕДЕНИЕ:
библиография, историография и историософия

© Шмидт В.В.

продолжение часть 14

2000 – 2003 ГОДЫ

В 2000 г. в Москве были изданы книги: *Б.А. Успенского* «Царь и Император: Помазание на царство и семантика монарших титулов»; составленный *И. Коровиным* на основе фото- и литографий начала XX в. и текста *В. Скопина* альбом «Воскресенский, Новый Иерусалим именуемый, монастырь и город Воскресенск»; составленная *Н.А. Колотий* «Крестный путь Патриарха Никона»; *Е.Б. Емченко* «Стоглав: Исследование и текст». В Санкт-Петербурге вышли: книга *Р.Г. Скрынникова* «Крест и корона»; сборники «Идейное наследие русской философии», где помещена статья *И.О. Кузеванова* «О позиции Патриарха Никона в “иконных спорах” второй половины XVII в.», и «Герменевтика древнерусской литературы» со статьей *М.Ю. Люстрова* «Уход Патриарха Никона как подражание образцам (К вопросу о самосознании Московского Патриарха)».

В Новосибирске в сборнике «Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания» опубликованы статьи *И.В. Поздеевой* «Патриарх Никон, Авраамий Норов: Новгород, Назарет, Иерусалим, Сараево (Век XVII – век XX: Судьбы книжные)» и *С.К. Севастьяновой* «Литературная деятельность Патриарха Никона: (Проблемы изучения)». В 10-м выпуске «Сообщений Ростовского музея» опубликована статья *Д.Ф. Полознева* «Архиерейский корпус при Патриархе Никоне и конфликты в нем»; в № 6 журнала «Наука в России» – статья *В.П. Даркевича* «Новый Иерусалим». В общественно-политическом и научном журнале «Россия XXI» № 2 опубликована статья *И.Л. Андреева* «Строптивый Патриарх». В этом же году

в Москве вышел в свет в трех книгах роман *В.В. Личутина* «Раскол»*. В Московском госуниверситете им. М.В. Ломоносова *В.В. Шмидт* защитил исследование на соискание ученой степени кандидата философии по теме «Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона», *М.О. Шахов* – в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации на соискание степени доктора философии по теме «Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и отношение к обществу» (опубликована в 2001 г. в виде монографии: «Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция»).

В 2001 г. в рамках «Забелинских научных чтений» был подготовлен сборник «Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры», в котором представлена статья *Л.А. Корнюковой* «Патриарх Никон: историческая справка»; в «Вестнике Московского университета» были опубликованы статьи *В.В. Шмидта* «Воззрения и труды Патриарха Московского и всея Руси Никона (Святая Русь: от третьего Рима к Новому Иерусалиму)» (Серия 7: Философия. № 4) и *А.Б. Дубовицкого* «Паисий Лигарид и его участие в деле Патриарха Никона» (Серия 8: История. № 3); в № 2 «Отечественной истории» – *С.В. Лобачева* «У истоков церковного раскола». В сборнике «XI Ежегодной богословской конференции Свято-

* Роман является одной из блестящих творческих работ начала XXI в., осмысливающих социально-политические, социально-культурные процессы исторического прошлого на богатейшем источниковедческом материале, в художественной форме, используя богатейший арсенал архаичных словоформ, диалектов, образов и т.д. При высоких достоинствах этого произведения в нем довольно много места и художественных усилий отдано описанию членов семьи автора: тем самым подчеркивается принадлежность к старообрядческой традиции. Почему бы и нет? Но вот особенность: при организации в 2002 г. в ГИМ выставки, посвященной Патриарху Никону, – «Патриарх Никон и его время» были равновесно представлены собственно Патриарх и его деятельность, а в параллели – обрядовеческая традиция стоглавого толка, исторически именуемая «старообрядство». Но справедливо ли это? Равнозначны ли эти явления в русской жизни и культуре? Мнения, безусловно, различны. Фактом остается одно: «старообрядство» как таковое может проявлять себя лишь через мощь фигуры Никона. Так было в истории, так остается и теперь. Тому еще одно яркое свидетельство – вновь выставка, посвященная старообрядчеству и его Рогожской общине, организованная в ГИМ и открытая не в какое-то другое время, а в канун 400-летия со дня Рождения Святейшего Патриарха Никона.

Тихоновского института: 2001 год» появилась работа *А. Игнатьевой* «Певческие рукописи коллекции Новоиерусалимского монастыря (ГИМ: Синодальное певческое собрание)»; в «Вестнике Еврейского института: История. Культура. Цивилизация» [№ 6 (24)] опубликована статья *Д. Фельдман* и *А. Прокопенко* «“Еврейские мотивы” следственного дела Патриарха Никона: Донос крещеного еврея М. Афанасьева Царю Алексею Михайловичу в 1666 г.»; в каталоге Государственной Третьяковской галереи «Святая Земля в русском искусстве» – статья *Г.М. Зеленской* «Образы Святой Земли в России: Новый Иерусалим и священная топография на русской земле»; в петербургский сборник «Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь» вошла статья *О.С. Сапожниковой* «Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина».

В этом же году в Москве были изданы книги: *Н.Н. Бантыш-Каменского* «Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел», а также составленная *Н.Н. Лисовым* и *Т.А. Соколовой* «Три Рима». В Даугавпилсе вышло сочинение *И.С. Платонова* «Начало политического раскола в России: Середина XVII в.», а в Санкт-Петербурге в переводе на русский язык с комментарием *Ю.И. Зинченко* – написанная *Патриархом Никоном* книга «Рай мысленный».

В том же 2001 г. были изданы интереснейшие книги замечательных зарубежных авторов – испанского дипломата, который посетил Россию в 1856–1857 гг., *Хуана Валера* «Письма из России» в серии «Библиотека испанской литературы» (приложение к альманаху «Канун». СПб., 2001) и крупнейшего историка-русиста, директора Библиотеки Конгресса США *Дж.Х. Биллингтона* «Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры» (NY., 1966 [рус. пер.: М., 2001]).

Учитывая социально-политические особенности тогдашнего и теперешнего времени, приведем краткий обзор тех частей книг, которые относятся к Патриарху Никону.

По долгу службы *Х. Валера* направлял ценнейшие для Испании и Европы того времени аналитические письма-отчеты не только о встречах при дворе, но и обо всем виденном и узнанном в России и о ней – ее народе, традициях, религии и культуре, состоянии наук и техники, военного дела, управления и др., которые известны как «Письма из России». Так, в одном из писем (от 28 февраля 1857 г. из С.-Петербурга, с. 196–200) *Х. Валера* в духе осторожно-учливой непринужденности говорит: «... был в России в середине XVII века великий Патриарх по имени Никон, таких величайших запросов и таких способностей, что мог бы стать Григорием VII Востока и объединить все под своей духовной властью, если бы Восток был готов объединиться. Но Никона преследовали...». Все эти действия привели к ряду серьезнейших социально-политических, социокультурных и метафизических последствий, а именно: 1) был дискредитирован институт Патриаршества и открыта дорога для того, «чтобы некоторое время спустя Царь Петр Великий нанес ему последний удар и объявил себя главой и покровителем Церкви»; 2) «Цивилизация, которая до того шла с Востока благодаря духовной власти, теперь стала идти с Запада путем светской власти. Восток, подавленный и пришедший в упадок, не мог уже излучать цивилизаторский свет, и Патриарх не мог один зажечь его в лоне Русской Церкви».

Подводя итог деятельности Патриарха Никона, *Х. Валера* пишет: «Единственное, чего *достиг этот умный и честлюбивый Патриарх*, была *реформа* или, *скорее*, я бы сказал, *исправление обряда богослужения*, в который еще раньше закрались большие ошибки». Здесь же он комментирует методологическую базу книжной справки в ее связи со справой церковно-обрядовой, поскольку данный вопрос оставался актуальным и весьма существенным и для европейской герменевтической традиции: «Чтобы исправить ошибки, которые переписчики внесли в церковные книги, собрали Собор, представили на нем древние манускрипты, бывшие в России и другие, прибывшие с горы Афон, и, благодаря столь авторитетным документам, *реформировали обряд богослужения* – или, –акцентирует внимание автор, – *вернули его к первоначальному виду*, напечатав книги как положено, уже без погрешностей и ошибок».

Проблему преодоления раскольнических тенденций и языческих пережитков *Валера* видит прежде всего в геополитических аспектах – обширная территория Империи и недостаток населения в некоторых провинциях, – которые «являются почти непреодолимым препятствием в достижении сего намерения и способствуют сохранению и даже пропаганде этих суеверий. Именно они, на мой взгляд, – пишет автор, – оживляют язычество, которое невозможно вырвать с корнем у многих народов, образующих часть Российской Империи, язычество, абсурдно переплетающееся с плохо понимаемыми христианскими идеями».

Описывая характер и особенности русской культуры, *Х. Валера*, подчеркивая известный тезис о ней как о заимствованной у Византии, говорит, что культура «крайне рафинированная и очищенная здесь, существующая в высших классах, где она сохраняется, как в свое время – деликатная учтивость, бывшая у некоторых народов один или пару веков назад» и делает генеральный вывод: «... в лоне русского народа зарождается и начинает развиваться, *напористо, автономная цивилизация, плоды которой в грядущем смогут оказать бесценное влияние на общий прогресс человечества*».

* * *

Д.Х. Биллингтон, в стремлении «полнее установить историческую идентичность духовных и идеологических факторов» (с. 24) России, в своем «*Einführung*» (*нем.* – вчувствование, *рус.* – проникновение) не только детально исследует этапы «мятущейся, однако творческой нации» (с. 28), тонко балансирует на грани вестернизации русской истории и культуры, «ибо иконы, бывало, служили шарлатанам и демагогам, а топоры – святым и художникам. Таким образом, исходная сосредоточенность на этих простых предметах уже подразумевает ту ироническую тональность, в которой закончится наше исследование русской культуры» (с. 23–24). Далее Дж. Биллингтон подчеркивает, что его книга «в значительной степени основывается на новой интерпретации источников и фундаментальных русских монографий – в особенности тех, которые были опубликованы в эпоху последнего мощного расцвета гуманистического знания, предшествовавшую большевистской революции. Обращаясь к западным и советским исследованиям последних лет, *мы редко использовали работы общего характера и совершенно отказались от популярной западной литературы о России*, которая при ее обилии, вторична и содержит апокрифические сведения» (с. 27; выделю мной. – *В.Ш.*) и, исходя из «вечного раскола святого и демонического начал во всей человеческой культуре», предпринимает попытки «в какой-то мере уравновесить частое обращение к политической и экономической истории общим историческим экскурсом в известную, но менее освоенную область мысли и культуры» в стремлении «полнее установить историческую идентичность духовных и идеологических факторов... (с. 24) мятущейся... нации».

Итак, не обращая внимания на выводы двух крупнейших исследователей наследия церковно-государственных отношений эпохи Патриарха Никона В. Пальмера и М. Зызыкина, в соответствии с поставленной исследовательской целью на период «от середины семнадцатого века до середины восемнадцатого (с. 156)» показать формирование-закрепление социального архетипа «ксенофобии,.. антисемитизма... москвитянской идеологии (с. 201)» Дж. Биллингтон подхватывает активно развиваемую в СССР линию осмысления гражданско-церковных отношений в противопоставлении Церкви религиозно-политизированного общественно-демократического движения в лице старообрядцев и их лидера – протопопа Аввакума. Таким образом, он сосредоточивает конфликт не в плоскости представителей институций – Патриарха и Царя, – а переносит его в плоскость личностного противостояния представителей «фундаменталистов и теократов» – Патриарха Никона и протопопа Аввакума. Биллингтон пишет : «Наиболее драматическим событием XVII в. была не прямая конфронтация Востока и Запада, не деятельность какого-нибудь царя, реформатора или писателя, хотя этому есть замечательные примеры, но потрясающая конфронтация двух прямодушных “мужиков” с верховьев Волги: патриарха Никона и протопопа Аввакума. Эти два неотесанных священнослужителя были ключевыми антагонистическими фигурами раскола внутри русской Церкви. И тот, и другой видели себя неумолимыми противниками “хитрости” – всех форм коррупции, вероломства и чужеземных новшеств. И тот, и другой начали свое восхождение к славе через принадлежность к кружку боголюбцев и “ревнителей древнего благочестия”. Оба впали в немилость одновременно в 1667 г. и были возвращены арестантами в суровые северные края,

откуда явились. Их исчезновение со сцены стало решающим моментом в угасании старой Московии и начале медленного поступательного искоренения “старой веры” и “боголюбия” из новой цивилизации имперской России» (с. 165).

Биллингтона при этом не смущает эклектичная позиция, выстраиваемая по ходу переосмысления авторских сочинений, когда однопорядковые явления доказываются при очевидной логической недостаточности общих снований и он начинает свою реконструкцию с тео-антропоцентричности русского бытия и важнейшей аксиоматической посылки – теократии Патриарха Никона. Остановимся на наиболее важных позициях Дж.Х. Биллингтона.

Первое. Патриарх Никон – теократ, одержимый папоцезаристскими устремлениями (с. 196–197).

В отличие от предшествующих исследователей Биллингтон в действиях Патриарха Никона во время военных походов Царя видит не попытку захвата власти, но удобный момент для установления теократической формы государственного устройства: «В качестве Патриарха Никон не только, подобно Филарету, делил с Царем титул “Великий Государь”, но практически самодержавно правил... Никон использовал это свое положение, чтобы установить в Москве настоящую теократию с помощью заезжих греческих, а также украинских и белорусских церковных иерархов, обосновавшихся в Москве. Не только Патриарх, но и весь епископат обрели новый ореол величия. Церковные обряды превращались в театрализованные действия, для чего потребовались еще более красочные облачения и митры, а также тщательно разработанная процедура церковных соборов с участием иерархов зарубежной Православной Церкви» (с. 172).

Далее в угоду избранной логике совокупность церковно-экклесиологических воззрений и действий Патриарха Биллингтон трансформирует в его мотивированные социально-психологические установки: «Пристрастие Никона к театральности придворных и церковных церемоний, его тонко рассчитанные перезахоронения и канонизации, его распоряжение везти из Греции, кроме церковных книг, еще и античных авторов, его противостояние соборам и любым светским властям, покушавшимся на авторитет главы Церкви, – все это больше напоминает Римских Пап эпохи Возрождения, чем возвращение к византийской чистоте. Его программа строительства в красивых местностях и украшения новых монастырей, увенчанная созданием Ново-Иерусалимского монастыря, до странного приводит на память Юлиана II и возведение собора св. Петра в Риме непосредственно перед великим расколом западного христианства...

И последнее указание на католические тенденции Никона заключено в его иностранной политике. Если фундаменталисты особенно ненавидели Рим и поляков, Никон, видимо, больше опасался протестантизма и шведов. Он возражал против войны с Польшей в 1653 г. и перекрещения католиков. Некоторые его сотрудники в исправлении книг были в прошлом униатами из Белоруссии и Украины, и решение Собора 1667 г. утвердить отмену Никоном постановления 1620 г., требовавшего перекрещения для католиков, было одной из многих уступок этим священнослужителям не из Великороссии. Никон сопоставлял положение в России с тем, которое “латинские ереси” породили на Западе, скорбя, что “и мы (священнослужители. – Дж.Б.) до тех

дней дожили, что уже яко и мирские человецы”¹. А Никиту Одоевского, главного автора “Уложения” 1649 г. и ведущего апологета подчинения Церкви государству, он называл “новым Лютером”²».

А далее следует не соответствующая доказываемому тезису губительная для авторских выводов фраза: «... главным соратником этого “нового Лютера”» при осуждении Никона был Лигарид, бывший агент Ватикана в облачении православного митрополита. И в том, что этот бывший грекофил из далекой Газы кончил тем, что уничтожил никоновское греческое возрождение и выступил в роли защитника москвитянской (старобрядческого фундаментализма. – В.Ш.) традиции, есть своя закономерность. Лигарид использовал иконостас, сугубо русскую реалию, для противопоставления твердо установленного иерархического порядка *никоновской идее гармоничного равенства между светской и церковной властью*. Признать Патриарха хоть в чем-то равным Царю, предостерегал Лигарид, было бы равносильно тому, чтобы поместить в центр чина, туда, где по традиции находится лишь один “Христос на престоле”, две иконы: человек “не может служить двум господам”, как нельзя и молиться на две иконы³» (с. 197–198).

Второе. Дж. Биллингтон выстраивает жесткую параллель соотнесения Патриарх Никона и протопopa Аввакума в части их одинаково ревностной приверженности Православию: «На первый взгляд, протопop Аввакум был очень схож с Никоном: фанатично верующий священник с северо-востока России, страстный противник западного влияния, исполненный глубочайшей решимости сохранить православную веру и обрядность как определяющие начала русской жизни... В дальнейшем нужду в реформах Аввакум начал рассматривать совсем в ином свете и уже считал Никона своим злейшим врагом. Аввакум превратил себя в рупор идей и мученика фундаментализма. Подобно теократизму Никона, *фундаментализм** Аввакума подвел итоги и собрал в

¹ Гиббенет Н. Историческое исследование дела Патриарха Никона (далее: Историческое исследование...): В 2 ч. СПб., 1882–1884. Ч. II. С. 47. О перекрещении см.: Красножен М. Иновeрцы на Руси. Тарту, 1900. С. 33–34, 100 и далее.

² См.: Зызыкин М.В. Патриарх Никон... Ч. II. С. 46. Патриарх Константинопольский тоже был убежден, что в России интригуют «вторые лютераны» – см.: Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования: В 9 т. (далее: Материалы для истории раскола...). Т. IV. С. 198. Одоевский был одновременно и главой нового Приказа по делам монастырей, и официальным допросчиком Никона.

³ Письмо Лигарида Никону от 12 июля 1662 г. – См.: Гиббенет Н.А. Историческое исследование... I. С. 113. См. также: Зызыкин М.В. Патриарх Никон... Ч. III. С. 72–74.

* *Фундаменталистскую позицию в основном отстаивали «белые», приходские священнослужители в провинциях, и она точно отражала консерватизм, суеверия и жизненную силу восточной окраины. Это была не столько четко сформулированная платформа, сколько простое связывание всех бедствий с нововведениями, нововведений – с иностранцами, а иностранцев – с дьяволом. Прошлое, которое тцились сохранить фундаменталисты, было органичной религиозной цивилизацией, преобладавшей в России до появления заморского обмана. Во имя этого они начали требовать наложения строгих пуританских запретов на такие западные новшества, как табак («колдовское зелье», «бесовский ладан») и хмель («заколдованную литовскую лозу»). Особенности подозрения вызывали изобразительные искусства и инструментальная музыка (с. 177).*

единый фокус тенденции и позиции, складывавшиеся на протяжении ста с лишним лет» (с. 177).

Далее автор говорит: «И теократы, и фундаменталисты пытались вернуть Россию после естественной капитуляции перед чужеземщиной к ее постулируемому первоначальному христианскому предназначению. И те, и другие уповали, что Царь вернет русскому христианству его изначальную чистоту, и одновременно и те, и другие инстинктивно понимали, что их дело безнадежно. С горечью они пришли к выводу, *что либо Алексей – второй Юлиан Отступник и тайно отрекся от истинной веры, либо Москва стала “четвертым Римом”, которому “не быть”, как они верили прежде*»⁴ (с.191), а «идеал органичной религиозной цивилизации – фундаменталистской или теократической по своей структуре – становился таким же анахронизмом, как и нечеткие экономические и административные процедуры патриаршего правления» (с. 186); выделенное нами указывает на общность причинно-следственных связей, а не их отличия – это первое. Второе – логика этих суждений все более свидетельствует о гонениях со стороны государства на Церковь и два возникших в ней крыла, и, следовательно, о закономерности ответного противостояния).

Но если это была, как говорит Биллингтон, «смертельная схватка», в которой «они уничтожили друг друга (с. 198)», то почему в данный процесс пришлось вмешиваться государству и так активно и долго в нем участвовать: «... Тайному приказу и другим слугам нового светского государства потребовалось почти десятилетие, чтобы низложить его (Патриарха Никона. – *В.Ш.*) официально. Однако с тех пор церковная иерархия никогда уже не играла в России подобной политической роли и даже не пыталась претендовать на нее. Отмену Патриаршества и полное подчинение Церкви государству несколько десятилетий спустя осуществил Петр Великий» (с. 175).

Затем в принятой им манере Дж. Биллингтон переходит от личностей к идеологическим парадигмам, которые в своем якобы историческом столкновении породили масштабный раскол: «Подлинный раскол заключался в расхождении между москвитянским идеалом органичной религиозной цивилизации, который лелеяли и Аввакум, и Никон, и реальным положением вещей после 1667 г., равно неприемлемым для них обоих, когда Церковь превратилась в подчиненный институт светского государства»⁵(с. 200). Раскол как якобы социально-историческое явление и сущность русской культуры, метафизики необходим Биллингтону прежде всего для доказательства «дурного» наследия, ставшего архетипом славяно-русской

⁴ См.: *Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола... Т. VI. С. 49–50, 219; Православный собеседник. 1859. Авг. С. 456–458.

⁵ Исследователь церковных реформ Петра Р. Верховский рассматривает падение Никона и Собор 1666–1667 гг. как решающие этапы в секуляризации Церкви и ее подчинении государству (*Верховский Р.* Учреждение духовной коллегии и духовный регламент: В 2 т. Ростов-н/Д., 1916. Т. I. С. 44–45, 684). Другом исследователь (*Козловский И.* Значение XVII в. в русской истории // Сборник историко-филологического общества. Вып. IV. Нежин, 1908) оценивает Собор 1666–1667 гг. как, по сути, первый синод государственной Церкви. Саксонский пастор в Вильне (*Herbinus. Religiosae...* Р. 150) также рассматривает Собор 1666–1667 гг. как синод лютеранского типа (в ходе интересного анализа церковного раскола главным образом через параллели с Западом. – См. с. 144–170, также – с. 72–79).

цивилизации: «... раскол ... запечатлел в народном воображении антисемитизм, заложенный в москвитянской идеологии», поскольку «от фундаменталистов современная Россия унаследовала не столько иступленное благочестие, сколько фанатичную ксенофобию, а от теократов не столько христианское правление, сколько церковную дисциплину» (с. 201). Это явление, считает Биллингтон, можно использовать как средство и стратегический политический ресурс. Он добавляет сюда еще и характеристику внутрицерковной духовной жизни: «После 1667 г. Русская Церковь была склонна заимствовать скорее светские, нежели духовные идеи обеих старых позиций» (с. 200).

При этом автор: 1) акцентирует внимание именно на этом во многом вымышленном наследии эпохи Патриарха Никона, вовсе упуская из виду, не обобщая и не подытоживая факты, свидетельствующие о вкладе Патриарха в историю не только российской, но и мировой материальной культуры, хотя множество раз упоминает о величайших ее артефактах;

2) профессионально с психолого-пропагандистской точки зрения производит подмену явления и понятия в его этимологической составляющей для закрепления за московитянской (фундаментализм-теократизм) идеологией антисемитских интенций на пути восхождения от ксенофобии к варианту русского фашизма.

Со ссылкой: «Историк православия указывает, что до шестидесятых годов XVII столетия простой народ мог отличить униатство от православия только по названию⁶. А с этих пор смутная враждебность к Римскому Папе и “латинянам” распространилась и на Униатскую Церковь как орудие “хитрой политики бывшей польской республики”⁷. Антикатолицизм если и не усилился, то получил более широкое распространение, чем в «Смутное время»», – Биллингтон для описания исторической канвы второй половины XVII в. все же говорит: «Пошли слухи, что никоновские переводчики и справщики все – тайные мусульмане, католики и иудеи» и мотивирует: «Поскольку среди занятых этой работой было немало беженцев, а на Востоке границы между вероисповеданиями отличались гибкостью, не удивительно, что среди переводчиков и справщиков нашлось достаточно новообращенных, а также всяких загадочных личностей, чтобы эти обвинения выглядели довольно весомыми».

Затем без ссылок на источники автор продолжает: «Старообрядцы обвиняли Никона в том, что он разрешил евреям переводить священные книги, а никониане обвиняли старообрядцев в том, что они позволяли евреям вести богослужение». И теперь автор, не называя источники, рассуждает о Соборе: «Обе стороны считали собор 1666 – 1667 гг. “еврейским сборищем”, а в официальном постановлении собор обвинял своих противников в том, что они стали жертвами “лживых еврейских словес”»; при этом он допускает серьезную и непростительную для компетентного исследователя оплошность – использует метафору «сонмище жидовское», которая восходит к фарисейско-саддукейским коварствам с целью унижить, обличить и убить Иисуса Христа. В другом

⁶ Крачковский Ю. Очерки... С. 62.

⁷ Закон 1839 г., официально запрещая униатскую церковь в России, связывает это с «хитрой политикой бывшей польской республики» – см.: Мельгунов С. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. М., 1919. С. 73.

месте он говорит: «Тем не менее Никон, как и Аввакум, пользовался языком библейских пророков, обличая главного автора решений Церковного Собора как предтечу Антихриста. В новом «Вавилонском пленении» русской Церкви, подчиненной государственной власти, он усматривал иго хуже монгольского. Автор памфлета 1664 г. в его поддержку делил мир на тех, кто поет хвалу святому патриарху, и тех, кто служит в полчищах Антихриста» (с. 200). Далее вновь без ссылки на источники Биллингтон говорит: «Везде ходили слухи, что государственная власть отдана “проклятым еврейским правителям”», затем с отсылкой к источникам: «... а Царь вступил в тлетворный “западный” брак, одурманенный любовными зельями врачей-евреев⁸» (с. 201).

Вот таким простым, лаконичным образом Дж. Биллингтон приходит к идеологически важному – на всякий случай – выводу, который со времен Второй мировой войны является одним из эффективных средств политического давления, устранения оппонента на самых разных уровнях – индивидуальном, групповом, государственном и международном, если вдруг что-то будет не в русле выгодных «сценариев развития» или, как пишет М.В. Зызыкин, если «мы вспомним, что на ее месте (иудео-марксистской совдепии, вдохновляемой идеями III Интернационала, вдохновляемого безбожной материалистической философией. – *В.Ш.*) некогда была Россия, вдохновляемая православным учением Никона и идеями Третьего Рима»⁹, и задумаемся о последствиях бытования чуждых ортодокс-славянской культуре оснований¹⁰. Уважаемого профессора нисколько не волнуют ни гносеологические, ни

⁸ Мельников Е. Участие иудеев и иноверцев в делах церкви. М., 1911. С. 12–13, 86–87; Гессен Ю. Евреи в Московском государстве XV – XVII вв. // Еврейская старина. 1915. № I. С. 161. Примеч. 1; Гиббенет Н.А. Историческое исследование... Т. I. С. 122; Симеон Полоцкий. Жезл Правления. М., 1763. Гл. 1, 17; Paul of Aleppo. Travels... I. P. 276; Collins S. The Present State of Russia. L., 1671. С. 113–121.

⁹ Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Ч. III. С. 360.

¹⁰ Вопросы истории бытования и социально-политического, социально-экономического, культурно-идеологического влияния иудеоориентированных идей в рамках отдельных цивилизаций, в том числе и христианской, изредка ставились. Так не получили масштабного освещения темы взаимосвязи католической инквизиции и последователей иудаизма; влияния ереси жидовствующих на социальную политику Московского царства; еврейского вопроса как фактора развития Коминтерна, III Интернационала, развязывания второй Мировой войны в свете процессов создания государства Израиль, активного манипулирования идеологемой «антисемитизм – сионизм», глобализации и другие, значение которых нельзя недооценивать, на что указывает также Дж. Биллингтон в преломлении к XVII в. и становлению социально-философской доктрины старообрядчества (Приращения. Сноски 108–109 [с. 770–771] на: Scholem G. Le Mouvement sabbataïste en Pologne // Journal de l'histoire des religions. XLIII. 1953. P. 30–90, 209–232; XLIV. 1953. P. 42–77. Здесь на документальном материале показаны огромное влияние саббатанского мессианства внутри Польши и его существенный вклад в польскую мысль – главным образом через франкистское сектантство).

Некоторые указания и намеки на влияние саббатанства в России содержатся в кн.: Scholem G. Schabbetaï Zvi. Tel Aviv, 1957. I. P. 1–74; II. P. 493 и далее. См. также: Южнорусское духовенство и евреи в XVII веке // Восход. 1887. Апр., особ. С. 4–6. Труд Голятовского и кампания против саббатанских идей в России рассматриваются также, хотя и менее убедительно, Градовским (Градовский. Отношения... С. 338–356) и

логические аспекты, связанные с возможностью по каким-либо достаточным основаниям увязать ксенофобию и фашизм с теоцентризмом как таковым и русским теократизмом в частности, которые принципиально космополитичны и квази-(анти-)националистичны. Робкие попытки приобщения к данной проблематике Биллингтона в настоящее время незначительны¹¹.

Третье. Например, рассуждая о «тонком предмете» – замещении-формировании новых идей «Иерусалим... альтернатива Константинополю и Афону» (с. 183), – как свойственных фундаментализму (т.е. старообрядцам), Биллингтон неожиданно переходит к тому, что «... новой московской теократии предстояло стать не более и не менее, как Новым Иерусалимом...» – созданию Патриархом Никоном, который, по его словам, был теократом, монастыря Нового Иерусалима, призванного стать «святым царством». Далее, по словам автора, «все это было частью никоновского плана низвести небеса на землю в Московском государстве», т.е. создать духовный центр нового Израиля – Московской Руси, Ромейского Царства и его политического центра – «третьего Рима».

Создает же Никон этот духовный центр не в Москве, а вдали от нее. Этот факт Биллингтон выпускает из анализа. В Москве же, в Кремле, рядом с царским дворцом, на что обращают внимание и Гиббенет и Пальмер в подтверждение именно «симфонических» воззрений Патриарха на порядок взаимоотношения равновеликих для жизни властей, Патриархом возводится лишь Патриарший дворец в отличие от

связываются с его общим страхом перед ересями в работе – см.: *Огиенко И.* Проповедь Иоанникия Голятовского // Сб. Харьковского историко-филологического общ-ва. XIX. 1913. С. 423–426. См. также: *Голятовский И.* Небо новое с новыми звездами сотворенное. Львов, 1665. С. 51–64, 68–74.

Сведения о наплыве евреев в Россию в конце XVII в. дают материалы специального приложения к еврейскому журналу на русском языке «Восход»: Систематический указатель литературы о евреях на русском языке (1708— 1889). СПб., 1892. С. 53—55; *Лякуд П.* К истории евреев в России // Восход. 1888. Май–июнь. С. 198–208. См. также: *Мельников Е.* Участие иудеев и иноверцев в делах Церкви. С. 11–13 (об официальных обвинениях в прямом еврейском и армянском влиянии на старообрядцев); 65–66 (о необходимости для старообрядцев объединиться с евреями и другими меньшинствами, чтобы уцелеть в условиях гонений). См. также: *Гессен Ю.* Евреи в Московском государстве XV – XVII вв. С. 153–172 (автор документирует случаи, когда евреи занимали высокие посты; особенно широко они использовали в качестве переводчиков. – См.: *Wickhart K.* *Moscowittische Reiss-Beschreibung.* Wien, 1675. P. 43–44).

Есть некоторые указания на еврейское присутствие или влияние даже внутри заведомо антиеврейских (термин «антисемитизм» для этого периода неточен) групп: казаков (см.: *Боровой С.* История СССР. Т. I. М., 1934. С. 141–149; *Slouschz.* *Les Origines...* P. 80) и старообрядцев (*Смирнов П.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. 093–094, 096–100). О евреях в Москве в конце XVII в. см.: Еврейская старина. 1913. № 1. С. 96—98. Как и с ересью иудействующих, истинная роль евреев в русском религиозном брожении конца XVII столетия точно установлена не была; но, в отличие от ситуации в XV в., проблема XVII столетия никогда систематически не исследовалась.

¹¹ См.: *Фельдман Д., Прокопенко А.* «Еврейские мотивы» следственного дела Патриарха Никона: Донос крещеного еврея М. Афанасьева царю Алексею Михайловичу в 1666 г. // Вестник Еврейского института: История. Культура. Цивилизация. 2001. № 6 (24). М.; Иерусалим, 2001.

бытовавших со времен Бориса Годунова идей о создании «Новоиерусалимского» храма, о которых напоминает сам автор (сноска 62 на с. 765)¹². Автор обходит стороной яркие факты программной деятельности московских государей по уподоблению московского Кремля Иерусалиму¹³ как реализации государственно-идеологической задачи. И вдруг неожиданно он возвращается к «бескомпромиссным фундаменталистам», которым «этот Новый Иерусалим больше напоминал о царстве Антихриста, который должен был утвердить свою вселенскую власть именно в Иерусалиме». Но далее в довольно пространном, с купированием невыгодных для логики автора фактов, рассуждениях о «новом Иерусалиме», Биллингтон вновь сталкивает фундаменталистов и теократов, оставляя в стороне очевидность государственного противостояния теократу Никону.

Невыясненным у него остается вопрос о «новом Иерусалиме» патриаршем и царском: Антихрист воцарится в «Иерусалиме» духовного или в политическом – третьем Риме? За какой «Новой Иерусалим» [Патриархом которого в схоластической логике рассуждений пытались сотворить Патриарха Никона и обвиняли 13-м и 14-м вопросом-ответом Стрешнева–Лигарида на судном Соборе и которые Патриарх «разорил» (все 27 возражений-разорений и комментарии к ним были под рукой профессора Биллингтона)], боролось государство? Какой из создаваемых «новых Иерусалимов» – Кремлевский Иерусалим или образ «Святого Царства» – монастырь Нового Иерусалима – соответствует парадигме цезарепапизма / папоцезаризма, а какой – «симфонического» взаимодействия? И если учесть особое – апокалиптически-промыслительное – отличие рода Романовых среди православных Великих Князей, Царей, Императоров во всей Православной Вселенной как царско-священнического

¹² Борис Годунов намеревался построить в московском Кремле церковь наподобие иерусалимского храма над Гробом Господним, и постройка колокольни Ивана Великого, видимо, была как-то связана с этим более грандиозным проектом (История русского искусства. Т. III. С. 480–481). Идея воздвигнуть подобный «Новый Иерусалим» бытовала на Западе в эпоху крестовых походов (*Tarje V. La Russie de 1659 a 1689*, 1957, 2000), но никогда не привлекала такого внимания, как в России. Тема освобождения Иерусалима приобрела популярность в «Смугное время» (см.: *Ровинский Д.* Русские народные картинки: В 5 т. СПб., 1881. Т. II. С. 479–480) и способствовала отождествлению в народе освобожденной Москвы с Новым Иерусалимом.

¹³ См.: *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским: В 2 ч. М., 1846; 1990 (репринт). Ч. 1. С. 220; *Викторов А.* Описание Записных книг и бумаг старинных дворцовых Приказов: 1613–1725 гг. М., 1883; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч.1. М., 1895. С. 201; *Соболев Н.Н.* Резные изображения в московских церквях // Старая Москва. Вып.2. М., 1914; *Бартенев С.П.* Большой Кремлевский Дворец: Дворцовые церкви и Придворные Соборы: Указатель к их обозрению. М., 1916. С. 97. Издания новейшего времени: *Романов Г.А.* Крест резной: Московский Сретенский монастырь. М., 1992; *Соколова И.М.* Новый Иерусалим в Кремле: Незавершенный замысел Царя Федора Алексеевича // Художественные памятники Московского Кремля: Мат-лы и исследования. Вып. XVI. М., 2003. С. 53–63; *Яворская С.Л.* «Шумаевский крест» и замысел Голгофы Царя Алексея Михайловича // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня: Сб. статей. М., 2005; *Она же.* «Шумаевский крест» и кальвария Царя Алексея Михайловича // Иеротопия: Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006;

рода¹⁴, то в вызревших абсолютистских тенденциях монархии какая модель государственно-церковных взаимоотношений является наиболее приемлемой?

И вот, пожалуй, самый важный вопрос, о котором автор-исследователь умалчивает, более того, избегает его, вновь смещая тему государственно-церковных отношений в плоскость личного противостояния-уничтожения «двух прямодушных ”мужиков“ – неотесанных священнослужителей»: «... и Никон, и Аввакум... были истинно московитянами и по натуре и по воспитанию: “...аще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектики и риторики и философии, а разум Христов в себе имам (Житие Авакума, 140)”... Конфликт Никона и Аввакума был вовсе не богословским спором, но смертельной схваткой между двумя мощными первопроходцами в мире единой истины. *Только после того, как они уничтожили друг друга, Россия стала безопасным местом для лигаридовой доктрины служения государству и многих непостоянных истин...*» (с. 190; выделено мной – В.Ш.).

Дж. Биллингтон, проводя аналогии с европейским движением Реформации, отмечает: «Для превращения богословских протестов Аввакума и Неронова в социальное движение требовалась поддержка местных политических лидеров – как Лютеру требовалась поддержка немецких князей. Собственно говоря, аморфная, едва-едва начавшая расширяться империя Романовых была подвержена воздействию противоборствующих сил не менее, чем империя Карла V за сто лет до того. Если лютеранство оказалось более жизнеспособным, чем нероновианство, то потому лишь, что оно с меньшим количеством оговорок приняло институты светского государства¹⁵» (с. 194).

¹⁴ Досифей, Патриарх Иерусалимский. Назидание благочестивым Государем // ГИМ ОР. Ф. Увар. 150-1^о: Грамоты Патриархов Вселенских и Московских (XVIII в.; ркп., в 1^о, на 249 л.; идентичен сб.: Увар. № 462-1^о, на 236 л.; л. 121–137): «...Яко от прародителей и праотцев Вы царие наипаче же благолюбезных и православных, его же никто из древних царей не удостоися. Третье. Яко и праотцам великаго священника богатите и приснопамятнаго, яко реку Филарета, ему во возвышении пресуществуя и прелагаяй бе наши приснопамятныя Святаго града Патриарх Кир Феофан, – по сему цари суци удостоени есте Христова свойства паче всех царей богатети, – оный бо Царей и Патриархов от роду по плоти бе, и сего ради – и царь, и архиерей. И вы Царей и Патриарха яко отродие есте цари, есте искренние, но архиереи от Церкви, (л. 124) пекущесе по силе. И тем свойственным образом о Вас во Апокалипсисе речено, яко будете священники и цари.

¹⁵ Это различие лишь способствует сопоставлению русской традиции раскола с радикальной «немагистерской» Реформацией – с традициями анабаптистов, гуггеритов и им подобных, чье влияние в любом случае было наиболее сильно в Центральной и Восточной Европе. Поздние произведения Коменского (особенно *Lux e Tenebris*, 1665) были главным оружием усиления радикальных апокалиптических элементов Реформации. Это различие между «радикальной Реформацией» и «магистерской Реформацией» (т.е. поддерживаемой местными политическими властями как в княжествах, так и в кантонах) было проведено Уильямсом (см. его предисловие в кн.: *Spiritual and Anabaptist Writers*. Philadelphia, 1957. P. 18–25) и распространено на восток до Польши и Литвы (*Williams G.H. Anabaptism and Spiritualism in the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania: An Obscure Phase of the Pre-history of Socinianism // Studia nad arianizmem*. P. 215–262. Кальвинизм в Литве и Белоруссии рассматривается в неопубликованной магистерской диссертации по богословию: *Ryzy-Ryski W. The Reformation in Bielomssia*. – Princeton Theological Seminary).

Но ради какой цели государственные власти так активно использовали сперва запрещенного в служении, а затем и лишеного священного сана человека – блестящего полемиста-бунтаря, то запрещая ему всякие сношения с миром, то давая послабления, то вызывая его из ссылки, то вновь удаляя, тем самым все более покровительствуя антиниконовским-антицерковным умонастроениям, если не для создания политически и изнутри управляемого внутрицерковного конфликта. Биллингтон пишет: «Соперничающие силы внутри Церкви начали ожесточенную борьбу, которая вскоре привела к физическим расправам и несгибаемому доктринерству. Две ведущие стороны спора сожгли себя, сражаясь друг с другом, и таким образом открыли путь новой светской культуре нового времени» (с. 193), а также: «Две главные силы внутри Церкви тратили свое время и энергию на взаимную дискредитацию и на борьбу друг с другом, а не со светскими силами, подкапывающимися под них обеих» (с. 200).

Ответ в книге Дж. Биллингтона «Икона и топор» дан, но в логике исследования, с тем чтобы ловко сфальсифицированные научнообоснованные выводы сформировали и закрепили в современном западноевропейском общественном сознании образ источника основных причин и зол русского общества – приверженность ортодоксальному вульгаризированному русскими вероучению. А также для идеологического воздействия – призывов к покаянию за прошлые грехи, которые в зависимости от потребностей возлагаются то на персоналии, то на институции.

Приведем несколько примеров. Один из них – о деятельности корумпированного отечественного диссидента за границей – «пророческого голоса русских традиций» (с. 15) – А.И. Солженицына, который активно эксплуатирует приписываемый Дж. Биллингентом русскому Православию «теократизм» с его якобы скрытыми ксенофобией и антисемитизмом, политическими средствами призывая, даже вынуждая РПЦ (и весь народ) к непонятным каноническим актам покаяния перед старообрядцами: «Я осмелюсь остановить внимание собравшихся еще на ... дальнем, трехсотлетнем грехе нашей Русской Церкви, я осмелюсь полнозвучно повторить это слово – *грехе*, еще чтобы избежать употребить более тяжкое, – грехе, в котором Церковь наша – и весь православный народ! – *никогда не раскаялись*, а значит в грехе, тяготевшем над нами в 17-м году, тяготеющем поныне и, по пониманию нашей веры, могущем быть причиною кары Божьей над нами, неизбытою причиною постигнувших нас бед. Я имею в виду, конечно, русскую инквизицию: потеснение и разгром устоявшегося древнего благочестия, угнетение и расправу над 12 миллионами наших братьев, единоверцев и соотечественников»¹⁶. Обратим внимание, что эта провакационная и дестабилизирующая социально-политические и социокультурные процессы активность

¹⁶ Цит. по: *Кравецкий А.Г.* История снятия клятв на дониконовские обряды // Богословские труды. 2004. № 39. С. 337–338: «Вплоть до 1974 г. Зарубежная Церковь специально не занималась проблемой клятв на старые обряды. Обращением к этой теме зарубежные иерархи обязаны А.И. Солженицыну. На заседании Третьего Всезарубежного Собора (30 августа / 12 сентября 1974 г.) было зачитано письмо к его членам, которое А.И. Солженицын составил по просьбе митр. Филарета (Вознесенского)... Было очевидно, что Солженицына не интересуют исторические и юридические аспекты этого акта. Для него было важно лишь то, что гонитель должен покаяться перед гонимым» (с. 338).

имела место в период Хельсинкских соглашений и была связана с «третьей – гуманитарной корзиной»*.

Подводя краткий вывод, скажем: историческая память современной России неизбежно сохраняет архетип «третий Рим». Россия осознает себя наследницей Московско-Ромейского царства, созданного в истории борьбы русских княжеств одновременно против «варварского» Востока и «просвещенного» Запада. Собственно концепция «третьего Рима», стяжающего образ Святой Руси, основана на православном экклезиосотериологизме и миссионизме, на уникальной роли страны как единственной в мире православной державы – надежды и опоры всех православных во Вселенной, – которая в течение трех веков считала своим долгом отстаивать независимость и интересы православных народов в мире. Это вызывает серьезную озабоченность стратегов мировой интеграции (глобализации) в ходе ее реализации в части геополитических, военно-политических, управления ресурсами и других моделей регионального и глобального развития¹⁷.

В связи с вышесказанным актуальнейшей внешнеполитической задачей в отношении России становится обеспечение социально-идеологической дискредитации ее социально-исторических и религиозно-культурологических ценностей, связанных с Православием как базисом ортодокс-славянской цивилизации¹⁸, поэтому так активно и

* Спустя 30 лет, в 2002–2004 гг. новая демократическая волна старообрядческой общественности была инициирована письмом сотрудников ГИМ и А. Солженицына в адрес Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, а также воззваниями старообрядческих архипастырей ко всем верным чадам по поводу появившихся публикаций о наследии Патриарха Никона (ЖМП. 2002. № 11; БТ. 2002. № 37). Об этих последних, в частности, говорилось: «... работы... имеют... конфессионально-политический характер исполнения заказа на обеление и возвеличивание фигуры Патриарха Никона. Пока неизвестно, какие силы выступают здесь в роли заказчика, но, вероятно, не те, которые подготовили поистине историческое постановление Поместного Собора 1971 г. ...». И далее в логике Биллингтона, активно воспринятой современными старообрядческими полемистами делается вывод: «... это обстоятельство печалит, хотя бы по той причине, что в нашей стране попытки духовных иерархов “подмять под себя” светскую власть всегда кончались плачевно для Церкви, оборачиваясь сокращением объема привилегий, а то и репрессиями» [Старообрядец. (Н.-Новгород). 2003. № 27]. Не о никоновской ли иерархии, которая в не меньшей степени страдала от власть имущих напоминает здесь автор-старообрядец? Очевиден факт: А.И. Солженицын манипулирует общественным сознанием, перекладывая ответственность за социально-религиозные катастрофы в стране с плеч государства на плечи РПЦ.

¹⁷ См.: *Mouseev H.H.* Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы. М., 1993; *Kissinger H.* Diplomacy. N.Y., 1994 (Дипломатия. М., 1997); *Прохожев А.А.* Национальная безопасность: Основы теории, сущность, проблемы. М., 1996; *Семенов В.А.* Этногеополитические аспекты безопасности России. М., 1998; Теоретические основы внешнеполитической деятельности России / Под общ. ред. С.А. Проскурина. М., 2001; *Удовик С.Л.* Глобализация: Семиотические подходы. М., 2002; *Возженников А.В.* Национальная безопасность России: Методология исследования и политика обеспечения. М., 2002; *Дусинский И.И.* Геополитика России. М., 2003; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003; *Платонов О.А.* Святая Русь и окаянная нерусь: Русская цивилизация против мирового зла. М., 2005.

¹⁸ См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-романскому. СПб., 1895; *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. М., 1927; *Леонтьев К.* Восток, Россия, славянство, Т. 1. М., 1985; *Касьянова К.О.*

последовательно «демократический элемент» в России «склеивает» указанные Дж. Биллингтоном негативно окрашенные «фундаменталистские – теократические» тенденции с историческим наследием славяно-русской цивилизации, негативные стороны которых в цивилизованном мире со временем будут нивелированы насильственными (демократическим) методами.

Дж.Х. Биллингтон, проведя качественное и глубокое исследование, беспрецедентное в современной зарубежной, да и в отечественной русистике, выгодно заключает: «Определить, на ком лежала ответственность за раскол Восточной Христовой Церкви, было бы не легче, чем установить, на ком лежала ответственность за распятие ее Основателя. И в том, и в другом случаях политическая арена осталась в непосредственном будущем за государственными деятелями – за “великими” Петром и Екатериной и за Цезарем “Августом”. Тем не менее “третьему Риму” предстояло терпеть от раскольников почти столько же, как первому Риму – от первых христиан» (с. 201).

В 2002 г. в ЖМП № 11 и в «Богословских трудах» № 37 опубликованы статьи *В.В. Шмидта* «Жизнеописание Святейшего Патриарха Никона»* и «Святейший Патриарх Никон и его Новый Иерусалим»; изданы подготовленная *М.В. Осипенко* «Кийский крест Патриарха Никона» (2-е дополненное изд. – в 2004 г.), *иеромонахом Тихоном (Полянским)* – «Путешествие в историю монастырей», переиздана (с издания СПб., 1909 г.) книжица «Русский Царь с Царицею на поклонении Московским святыням», в которой есть параграф «Новый Иерусалим и посещение его Царем и Царицей»; в Каргополе в книге «Святые и святыни Севернорусских земель» опубликована статья *М.Л. Рягузовой* «Подвижники Кожеозерского монастыря».

По итогам ежегодных «Никоновских чтений», проводимых в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» (г. Истра) в 2002 г. вышли: под редакцией *Г.М. Зеленской* – сборник трудов «Никоновские

О русском национальном характере. М., 1994; *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2004.

* Небольшая наша статья вызвала традиционно эмоциональную «старообрядческую» реакцию. Поразительно, но факт: вопросы и неясности, вызванные краткостью статьи, не подвигли ее критиков к работе с подобным развернутым материалом, опубликованным в «Богословских трудах» № 37 и вышедшими одновременно с ЖМП № 11.

чтения»¹⁹, ее же работа «Святыни Нового Иерусалима» и составленный *З.П. Майбородой* «Историко-архитектурный и художественный музей “Новый Иерусалим”: Путеводитель»²⁰.

В том же 2002 г. в Омском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени к-та истории *Н.В. Воробьевой* по теме «Церковные реформы в России в середине XVII в.: идейные и духовные аспекты» и вышли ее одноименная монография, а в сборнике научных трудов «Образование и социально-экономические проблемы современного общества» – статья «Некоторые проблемы духовной жизни человека в конце XVII в.».

Государственный исторический музей (Москва) устроил плановую выставку «Патриарх Никон и его время» и выпустил под общей редакцией В.Л. Егорова и Е.М. Юхименко каталог «Патриарх Никон: Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты» со вступительным словом *Патриарха*

¹⁹ В сборник вошли работы: *Зеленская Г.М.* Прижизненные изображения Святейшего Патриарха Никона; Почитание памяти Святейшего Патриарха Никона в XVII–XX вв.; Архимандрит Леонид (Кавелин) – настоятель Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря; Музей Святейшего Патриарха Никона в ставропигиальном Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре; *Щедрина К.А.* Некоторые историко-богословские аспекты монастырского строительства Патриарха Никона; *Севастьянова С.К.* К вопросу об автобиографическом повествовании в челобитных Патриарха Никона Царю Алексею Михайловичу из Ферапонтова монастыря (1667–1676 гг.); *Тодорова М.А.* Остров Патриарха Никона в Ферапонтово; *Рогожкина Е.И.* Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим»; *Дорошенко С.М.* Вельдеманово – родина Патриарха Никона; *Кейн К.М.* Изображения Патриарха Никона в искусстве XVII – начала XX в.; *Полознев Д.Ф.* Место Церкви в государстве и обществе по Соборному уложению 1649 г. и Кормчей 1650 г.; *Лобачев С.В.* Хронология церковной реформы Патриарха Никона; *Тенфер Л.Э.* Реконструкция Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря на конец XVII в.; *Васильева Е.Е.* Три воскресенских гимна архимандрита Германа; *Леонида (Кавелин), архим.* Опись музея, посвященного имени Святейшего Патриарха Никона; *Крючкова М.А.* Словарь мастеров Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря XVIII – начала XX вв.; и др.

²⁰ В содержании путеводителя: *Невзорова Л.П., Майборода З.П.* Новый Иерусалим – памятник русской истории и культуры; *Чернилова Л.М., Савко Н.М., Михайлова Н.М., Абакумова Н.А.* Архитектурный ансамбль Новоиерусалимского монастыря и его реставрация; *Парушева В.Г.* Архитектурно-этнографический музей под открытым небом; *Чернилова Л.М.* Русское искусство XVI–XVII вв.: иконопись, лицевое и орнаментальное шитье; *Невзорова Л.Г.* Рукописные и редкие книги; *Денисова Л.М., Корчоха И.Ю., Рогожкина Е.И.* Русское и западноевропейское изобразительное и декоративно-прикладное искусство XVI – начала XX в.

Московского и всея Руси Алексия II и статьей *Е.М. Юхименко* «Мемориальные вещи и автографы Патриарха Никона в музейных и архивных собраниях»; в 2004 г. вышел и составленный *Е.М. Юхименко* сборник научных трудов ГИМ – Вып. 139: Патриарх Никон и его время²¹.

Заметим: в соответствии с выработанной (сфальсифицированной) в американской историографии (Дж. Биллингтон) идеологической метафорой «никоновой теократии», активно поддерживаемой современным российским старообрядчеством, согласуется и официальная позиция РПЦ. Так, на открытии первой в стране выставки, посвященной 350-летию интронизации Патриарха Никона (ГИМ, 2002), где Никон и Аввакум были неоправданно представлены в равной мере, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил: «Патриарх Никон является одной из наиболее ярких и противоречивых фигур XVII в., чья деятельность во многом предопределила ход дальнейшего развития Церкви и России... Опыт прошлых столетий свидетельствует, что и попытки создания теократии, т.е. полного подчинения всей жизни общества церковному управлению, и желание сделать церковное управление частью государственного аппарата, подчинив духовную власть светской, равно приводили к негативным последствиям и для общества, ввергаемого в катаклизмы политических и идеологических волнений, и для духовного развития народа». Тем не менее далее Его Святейшество излагает собственно позицию и тезис Патриарха Никона: «История XVII столетия преподнесла нам урок, дав возможность на конкретном примере убедиться, что имеющие различную природу Церковь и государство не могут и не должны сливаться в единое целое, ибо “порядок священства один, а порядок царства другой”; но, сотрудничая, они должны и могут вместе трудиться на благо народа»²².

²¹ В сборнике представлены работы: *Ченцова В.Г.* Митра Паисия Иерусалимского – не присланный Русскому Государю венец «Царя Константина»; *Чеснокова Н.П.* Восточные иерархи в Москве в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа); *Орленко С.П.* Патриарх Никон и «немцы некрещеные»; *Вознесенский А.В.* К истории дониконовской и никоновской книжной sprawy; *Казакова Е.Н.* Апостол 1644 г.: К проблеме дониконовской книжной sprawy; *Агеева Е.А.* Требник 1658 г.: История издания; *Тимошина Л.А.* Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России; *Румянцева В.С.* Патриарх Никон и Стефан Вонифатьев: К постановке вопроса о церковных реформах 50-х годов XVII в.; *Севастьянова С.К.* Духовное завещание Патриарха Никона: Письма Патриарха Никона Царю Алексею Михайловичу из Ферапонтова монастыря: 1667 г.; *Зеленская Г.М.* Изображения и личные вещи Патриарха Никона в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре в XVII–XX вв.: (История бытования и вопросы атрибуции); *Мельников А.В.* Неопубликованная статья академика М.М. Богословского 1924 г. «Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора 1686–1698»; *Бусева-Давыдова И.Л.* О так называемом запрете шатровых храмов Патриархом Никоном; *Полознев Д.Ф.* Церковная реформа после Патриарха Никона: Соборы 1667–1682 гг.; и др.

²² Цит. по: *Васильев С.* Патриарх Никон и его время // ЖМП. 2002. № 8. С. 42.

Не менее интересно в данном контексте освещение визита Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Мордовию (Там же. 2006. № 9. С. 50–51). В журнале

Содержащийся в передовой статье «К 90-летию восстановления Патриаршества в Русской Церкви» «Православного церковного календаря на 2007 г.» (М.: Изд. Совет РПЦ, 2006. С. 6–7) информационный блок, относящийся к Патриарху Никону, кроме как идеологически ангажированный, исторически нелепый и научно несостоятельный расценить невозможно²³. Приводим его без купюр: «В 1652 г. Патриархом стал митрополит Никон, который хотел эти исключительные отношения отца-Патриарха и сына-Царя сделать общим правилом и даже добился у Царя Алексея Михайловича титула Великого Государя. Патриарх Никон исходил из западной идеи примата духовной власти над светской. Царь поначалу находился под обаянием сильной личности Патриарха, но потом начал освобождаться от его влияния. Патриарх компрометировал себя резкими и необдуманными действиями. Воздвигнув необоснованные и ненужные гонения на ревнителей старых обрядов, Патриарх Никон спровоцировал раскол старообрядчества, до сих пор остающийся незаживающей раной Русской Церкви. В ответ на противодействие Царя Патриарх Никон оставил Москву, не слагая с себя патриарших полномочий и препятствуя не только избранию преемника, но и назначению местоблюстителя для временного управления Церковью. Собор 1667 г. с участием двух Восточных Патриархов лишил Патриарха Никона священного сана и отправил его в монастырское заточение. Лишь Царь Федор Алексеевич испросил у Восточных Патриархов возвращения Никону Патриаршего сана и хоронил его в 1681 г. как Патриарха. Трагическая история Патриарха Никона оказала немалое влияние на последующую церковную историю. Петр I, задумав реформу высшего церковного

не приводится ни одного слова Предстоятеля РПЦ о Патриархе Никоне, дается лишь редакторский комментарий: «Патриарх Никон после соборного осуждения и низложения умер в ссылке простым монахом, поэтому он изображен в монашеской одежде и с посохом в руке (на самом деле Патриарх изображен в святительской мантии, с саккосом, панагией и в патриаршем клобуке, а также с посохом митрополита Петра. – В.Ш.). Сохранившиеся портретные изображения Патриарха Никона сильно разнятся, поэтому *скульптурный портрет является скорее собирательным образом, чем изображением конкретного человека*. Святейший Патриарх Алексей возглавил заупокойную литию по Патриарху Никону, а затем *окропил памятник святой водой*. Со словом по случаю открытия памятника к собравшимся обратился Глава республики Мордовия Н.И. Меркушкин... “Сегодня мы принимаем участие в открытии памятника великому сыну Мордовской земли – Святейшему Патриарху Никону... Патриарх Никон вошел в историю России не только как церковный реформатор и просветитель, но и как выдающийся общественный деятель. Своими молитвами и деяниями он внес огромный вклад в укрепление и развитие российской государственности. С российской государственностью и Православием он связывал будущее не только русского народа, но и других народов России. Именно по его указанию в мордовском крае строились монастыри, при которых открывались первые школы и больницы, закладывались церкви, переводились на мордовские языки богослужебные книги. Святейшего Патриарха Никона по праву можно считать первым просветителем мордовского народа”. Святейший Патриарх Алексей и глава Республики Мордовии возложили цветы к памятнику Патриарху Никону. Затем Святейший Владыка и гости торжеств посетили новый собор, после чего Его Святейшество побеседовал с жителями Саранска, пришедшими на открытие памятника» (выделено мной. – В.Ш.).

²³ См.: Тодоров А.А. 90-летие восстановления Патриаршества в Русской Церкви: мистификация образа Патриарха Никона // Власть. 2008. № 2.

управления, руководствовался стремлением жестко подчинить иерархию царской власти».

В околоцерковной литературе наблюдается некоторое снижение идеологической ангажированности, тем не менее она остается заметной. Примером может служить изданная к 400-летию памяти Патриарха Никона Издательским Советом РПЦ и издательством «Дарь» книга-антология «Патриарх Никон: Трагедия русского раскола» (М., 2006), в которой даже обложка демонстрирует характерный пропагандистский прием – воспроизведена знаменитая парсуна «Патриарх Никон с клиром», но она разорвана надвое: на одной половине Патриарх оставлен в цветном изображении, а предстоящая ему ново-иерусалимская братия отделена от своего пастыря линией разрыва и изображение черно-белое, содержание же выстроено по принципу «pro et contra»²⁴.

С учетом традиционного восприятия общественным сознанием образа Патриарха Никона как противоречивой фигуры, в такой принятой авторами-составителями модели построения антологии можно было бы предположить диалектический принцип, если бы не очевидность идеологического заказа, который и отражен в предисловии.

Книга, посвященная Патриарху Никону и трагедии почему-то церковного, а не государственно-конфессионального, социально-политического или, наконец, социокультурного раскола, начинается все тем же «пророческим голосом русских традиций», к которому и на этот раз вновь «прислушались»: «Церковный раскол XVII в. – это поистине великая трагедия России и ее Церкви и народа. Об этой трагедии А.И. Солженицын в 1974 г. сказал: “Это непоправимое гонение, самоуничтожение русского корня, русского духа, русской целостности продолжалось 250 лет (не 60, как сейчас) – и могло ли оно не отжаться ответным ударом всей России и всем нам?”».

Обозначив сохранение идеологического вектора и воздав социально-политическое должное «пророческому голосу», далее предисловие очерчивает собственно круг проблем: «Но раскол – не только трагедия, в нем сокрыта и большая тайна. В нем много непонятого и не понятного, в нем прослеживается бессмысленная “логика” всякой гражданской войны»²⁵. Раскол столь глубоко поразил русское общество, что несколько

²⁴ Книга содержит избранное: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. С. 6–197; *Ключевский В.О.* Из лекций по русской истории. С. 198–301; *Платонов С.Ф.* Никон. С. 302–357; *Макарий, митроп.* Патриарх Никон в деле исправления церковных обрядов. С. 358–443; *Зеньковский С.А.* Патриарх Никон. С. 444–516; *Раскол.* С. 516–581; *прот. Л. Лебедев.* Патриарх Никон. С. 582–599; *Никон, Патриарх.* Сочинения: Слово отщепенному; Поучение священному чину; Переписка. С. 600–642; Акты, относящиеся к соловецкому восстанию. С. 643–644.

²⁵ Отметим, что не христианским монотеистическим религиозным системам свойствен дуализм картины мира, который порождает такие явления, как индивидуальное или массовое жертвование собой, т.е. своим телом, ради достижения выгодного результата (сотериологического или политизированного индивидуально-, социально-террористического как разновидности этнополитического, социально-политического и т.д.). На это указывает также и Дж. Биллингтон на с. 192, 199: «... дуализм Аввакума заставил его в тюрьме отстаивать еретическое утверждение, что Христос Троицы не вполне идентичен историческому Иисусу... Проповедуя самосожжение, он приходит к дуалистическому разделению души и тела. “Сожегше своя телеса, душа же в руке Божии

веков к этой проблеме предпочитали просто не прикасаться... Да и сейчас, приводя одни и те же исторические факты, разные стороны разительно противоположным образом их оценивают. Вот почему личности Патриарха Никона, Царя Алексея Михайловича, их роль в трагедии русского церковного раскола XVII в. до сих пор не осмыслена. А жаль!..»²⁶.

Согласимся с утверждением, что о Патриархе Никоне и церковной реформе, связываемой с его именем, написано немало. И здесь уместна ссылка на Г. Флоровского: «Редко кто писал о нем бескорыстно и беспристрастно, без задней мысли и без предвзятой цели. О нем всегда именно спорили, пересуживали, оправдывали или осуждали. Его имя до сих пор тема спора и борьбы. И почти не имя, но условный знак или символ»²⁷. Заметим также, что при издании к 75-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II книги «Патриаршество в России» (М., 2004) глава «Никон, Патриарх Московский и всея Руси», несмотря на жесткость социально-политических установок в отношении к этой личности, документально-исторична, хотя и составлена в традиции агиографической литературы²⁸.

В 2003 г. в Москве было издано двухтомное сочинение *митрополита Мануила (Лемешевский)* «Русские православные иерархи. 992–1892», во

предаша» (*Аввакум. Житие. С. 234; Субботин Н.И. Материалы для истории раскола... Т. 5. С. 204*)... Диакон Федор, более ученый союзник протопопа, порицал Аввакума за еретичество (*Субботин Н.И. Указ. соч. Т. VIII. С. 224 и сл.*)» и на с. 195: «... нельзя исключить и возможности некоторого взаимодействия с еврейскими общинами. Год 1666, в котором фундаменталисты ожидали пришествия антихриста, был также годом, когда Саббатай Цеви провозгласил себя давно ожидаемым еврейским Мессией. Прибегая к тем же пророческим цитатам и вычислениям, что и старообрядцы... Саббатай привлек сторонников больше, чем любой другой еврейский Мессия во времена Иисуса... сам Саббатай стал отступником, приняв ислам... Между саббатянами и старообрядцами по меньшей мере существует поразительное сходство в их предчувствии апокалипсиса, в завороченности оккультными цифровыми выкладками, в экстатическом ощущении своей избранности и полумазохистском принятии страданий. ... (см.: *Гилятовский И. Ключ разумения. Киев, 1672; Южнорусское духовенство и евреи в XVII веке // Восход. 1887. Апр.; Мельников Е. Участие иудеев и иноверцев в делах Церкви; также см. сноски № 107–109. С. 770–771*)».

Поэтому вряд ли возможно согласиться с полемической уловкой А.И. Солженицына о расколе как «самоуничтожении русского корня», поскольку метафизические основания дуализма, никогда не были свойственны метафизике Православия, а вот именно политизированное и институционализированное старообрядчество как раз и явилось тем рычагом влияния на Русскую Церковь как институциональное образование, которая собственно и является тем стержнем, основой «русского духа, русской целостности», которую не один век стараются не только ослабить, но и девальвировать как таковую как изнутри, так и извне.

²⁶ Патриарх Никон: Трагедия русского раскола. М., 2006. С. 3.

²⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 66.

²⁸ Никон, Патриарх Московский и всея Руси // Патриаршество в России: К 75-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II / Авт.-сост. А. Парменов. М., 2004. С. 90–113.

втором томе которого помещена статья «Никон, Патриарх Московский»; в серии «Жизнь замечательных людей» издана работа *И.Л. Андреева* «Алексей Михайлович»; вышел в свет труд *Г.М. Зеленской* «Новый Иерусалим: Путеводитель»; в Санкт-Петербурге по материалам диссертации *С.В. Лобачевым* издана книга «Патриарх Никон» (в журнале «Нева» № 2 за 2007 г. *Е. Зиновьева* опубликовала рецензию на это исследование – «Патриарх Никон: новейшая история»). В вып. XVI материалов и исследований «Художественные памятники Московского Кремля» опубликована работа *И.М. Соколовой* «Новый Иерусалим в Кремле: Незавершенный замысел Царя Федора Алексеевича». В этот период в Саранске написана опера «Патриарх Никон» – либретто *В.В. Долгова**, музыка *М.Н. Фомина*.

Продолжение: <http://www.patriarch-nikon.ru/19/>

* В 1923 г. для постановки в Петроградском государственном драматическом театре В.Ф. Боцяновским была написана трагедия в 5 действиях и 6 картинках «Патриарх Никон», но поставлена не была. Без содрогания воспринимать разворачивающиеся сцены невозможно. В своем полете фантазия сценариста отрывается настолько далеко от реальности, что невольно задумываешься, а историческая ли это вещь? Подобное случилось и с либретто к опере «Патриарх Никон», созданным по мотивам романа М.Я. Филиппова «Патриарх Никон: Исторический роман» (М., 1885; 1994). Автор либретто сконцентрировал свое внимание на проблеме исключительно плотской любви Никона к своей жене, не учитывая исторический факт, засвидетельствованный Е.В. Ушаковой в «Кратком историческом очерке Московского Алексеевского монастыря». И, если в романе Филиппова судьба жены-монахини идет параллельной линией верного служения мужу-архипастырю, то в либретто В.В. Долгова женщина с угрожающим размахом стремится затмить собой образ Христов, в сретение Которого схи-Патриарх оправлял одежды и бороду на смертном одре на реке Которосли. Да, страсть в своих интенциях умножает и гипертрофирует формы явлений, но ведь они пусты и ничтожны. Для чего их созерцать, если в них нет бытия? Искусство ведь не отражает, оно проявляет содержание бытия, его красоту через форму и знаки, современные способу восприятия человека...